

Где Курама, Кьюби но Йоко, владыка демонов, разрушитель континентов и попросту стихийное бедствие, оказывается втиснутым в тело человеческого младенца.

Последним, что помнил Курама, прежде чем мир закружился в вихре обжигающих цветов и опустился во глубокую темноту, плотную как лужа чернильно-черных чернил, заволакивающих его разум, был гнев.

Всепоглощающий, бурлящий гнев. Такой, который кипел и шипел под кожей, томясь и распаяясь без возможности выйти на волю. Такой гнев, который, будучи наконец высвобожденным, сметал прочь любые попытки действовать логически ради апокалиптических действий, поскольку именно это может сделать с лисом запыление его во что-то с размером и рассудительностью насекомого почти на сотню лет. Гнев потрескивал в его глотке и заставлял искры бегать по его зубам, этот оглушительный шторм эмоции, растущий и растущий до самого предела, когда этот мелкий белобрысый засранец и его гигантская лягушка опять попытались его запечатать. Курама был так, так близок к свободе, так близок к превращению проклятия всей его жизни в неопознаваемый кратер.

Ночное небо над его головой было подобно чёрной ткани, усеянной булавками звёзд. Сияние чакры Курамы отбрасывало резкие, глубокие тени на скалы возле деревни. Его девять хвостов хлестали, наполняя свежий воздух дымом от красно-рыжего пламени, цветом похожего на мерцание пылающих углей.

Борьба. Рывок. Инь и янь разделяются, в ярости рыча.

Курама чувствовал, как его разрывает надвое. Чувствовал дезориентацию, когда здания вокруг вдруг выросли, а половина его силы была утянута прочь.

И когда кушинов чёртов Хокаге замелькал ручными печатами, то даже несмотря на то, что его высшие умственные функции были сосредоточены исключительно на разрушении деревни до основания, Курама заметил угрозу. Нет. НЕТ. Это было неприемлемо. Если он обречён проиграть, то он вцепится когтями и зубами и утянет эту деревню за собой. Одна секунда. Кураме была нужна только одна секунда. Он целил в новорождённого, в которого была запечатана его другая половина, глядя на то, как этот презренный Намиказе без задней мысли бросился вперёд—

—и распотрошил его одним взмахом своих когтей.

Закончив с этим, лис обратил своё внимание на другую, меньшую проблему.

— Нет.

Повернув голову, Курама увидел Кушину, лежащую на земле с ужасным, мрачным отчаянием,

видимом во взгляде её прищуренных глаз. Её чакра вспыхнула — безрассудно дико — и материализовавшиеся в воздухе цепи прижали лапы Курамы к земле. Он злобно посмотрел на них. Лёгкий взмах одного из его хвостов раскрошил камни, взметая в воздух облако пыли и щебня.

Цепи лопнули.

Кушина, несмотря на всё своё упорство, была человеком и умирала, а Курама не был заточён на задворках её сознания, беспомощным и кипящим от гнева.

Он наклонил свою голову и позволил биджу-даме размером с город закружиться в его пасти. Курама давным давно пообещал себе, что он заставит их всех заплатить, всех их, ещё когда Учиха Мадара осквернил обеты его предков ещё сильнее, чем они уже были, ещё когда Сенджу Хаширама и Узумаки Мито запечатали его с помощью мазков кисти, чернил и извращённых останков учения его Отца. Сырая энергия уплотнилась. Сила, чистая и неразбавленная, сияла, словно взрывающаяся сверхновая.

Узумаки Кушина закричала.

На секунду он почувствовал себя так, словно его раздирали на части кусок за куском. Курама бесновался. Его биджу-дама взмыла в ночное небо где-то над ним, поглощая звёзды и луну в сфере фиолетового пламени.

Мир пошатнулся.

Сотнями этажей выше прогремел оглушительный взрыв, вспышкой освещая всю деревню. Жар наполнил воздух, и скалы сотряслись от силы ударной волны. Земля под Курамой вздрогнула. Пыль и осколки камня заволокли всё вокруг.

А потом была темнота.

***

Он чувял густой, удушающий запах пепла. Горящие плоть, дерево и серу, наполняющие воздух. Детский голос где-то над ним, приглушенный и слабый, принадлежащий кому-то, кто едва перешёл границу подросткового возраста по человеческим меркам:

— Их двое? — спросил он.

Сказанные слова забились в щели между выбитыми шестерёнками, спрятались в узких трещинах, складывающихся в бездну в мыслях Курамы. Это был вопрос. Вопрос. Но что вообще

представлял собой вопрос? А потом появился скрипучий и низкий голос старика, каким-то образом, который лис не мог уловить до конца, знакомый. Как тёмные пески. Пещеры, расположенные в глубинах океана, не видящих солнечного света. Как недовольный вздох Гьюки. Голос сказал:

— Да.

Огонь и сера. Воздух, густой и бурлящий от его собственной чакры, присутствие столь сильное, что он может чувствовать его отголоски.

— Что есть вопрос? — спросил его Старик Мудрец.

Курама крайне сосредоточенно обдумывал это. Он положил свои лапы на густую траву в мысленном пространстве Старика. Вопрос. Вопрос. Хм-м...

— Я — твой тюремщик! — проревела Узумаки Кушина. Небо разверзлось от её рычания. Цепи приковывали его конечности к огромному камню. Вокруг него луга и чистые, спокойные, бутылочно-зелёные озёра, образующие принадлежавший Кушине ландшафт заколебались, и ветер взметнул её красные волосы в сторону широких лесов её разума. — Ты будешь слушаться меня!

Мёд, корица и немножечко звёздного света. Земля под лапами Курамы, сверкающая расплавленным золотом в лучах висящего в зените солнца. Небо над ним было неподвижным и голубым, и по бокам от него нарциссы качали своими высокими малахитовыми стеблями, отбрасывая тонкие тени на вспаханную землю.

— Поймай меня, если сможешь! — крикнул Курама, смех пузырился в его горле. Он ударяет лапами по земле. Один длинный шаг, два длинных шага — он летел. Позади него Мудрец весело фыркнул, срываясь с места.

— Поймать тебя? — сказал он, весь — игривые улыбки и сияющие глаза. — С чего бы—

(— Я обещаю тебе месть, — выдохнул человек. У него были вишнёвые глаза - как если бы кровавое вино, алые луны и язык древних были выжжены быстрыми, чёткими движениями кисти на черноте его зрачков. — Жители этой деревни обошлись с тобой несправедливо, не так ли? Заковали в цепи и насмеялись над тобой.)

И Курама хотел закричать. Хотел сказать ему: "Иди к черту". Он хотел погрузить свои зубы в мягкий череп мужчины и смотреть на то, как его мозг красными потёками спускается из его ушей—)

***

Его разбудил звук. Топот шагов по твёрдому бетону. Мужские и женские голоса рявкали приказы где-то вдалеке, вибрации их голосов раздражающе звенели в его ушах.

Всё было таким громким.

И размытым. Проверяя, он распахнул свои глаза, чтобы увидеть... очертания. Много, много разных очертаний, и странно размытые пятна цвета, как если бы он смотрел сквозь поток воды, превращающий изображение в пёструю бессмыслицу.

Он прищурился. Головная боль убийственной силы с ликованием ударила в его череп. Это было... плохо.

Нет, фактически, вся эта ситуация была плохой.

Его мысли окутывало плотное шерстяное одеяло. Он не мог вспомнить, где он находился. Он не мог вспомнить, какой век на дворе. Он не мог вспомнить своё имя.

И он проснулся.

Биджу не просыпаются — они вообще не спят. По крайней мере не так, как это делают люди, без их связывающих мгновений непонятной темноты, необходимой для отдыха. Сном было закрыть глаза и позволить его чувствам протянуться вдаль. Под твёрдую земную кору. Свось гул частиц газа. Чувствовать колыхание чакры, пронизывающей каждый крохотный живой организм в мире, и как сияние их энергий соединилось и сияло в единении — две сотни тысяч миллионов звёзд мерцающих на земле, соединённые струнами в созвездие жизни.

Затемнения, подобного человеческим снам, он не испытывал с тех пор как...

С тех пор как...

Курама наморщил свой нос, размышляя. Головная боль продолжала колотиться в стенки его черепа.

С тех пор как была Узумаки Мито, с тех пор как линии её печати обвилились вокруг него петлями ржавых медных цепей.

Чёрт.

С уверенно растущим опасением Курама развел свои конечности пошире и попытался... бестолку. Его тело отказывалось шевелиться, что, в ретроперспективе, было совершенно логично, потому что его тело не было его телом.

Курама выругался, за исключением того, что, черт возьми, нет, по всей видимости у него не будет даже этой роскоши, потому что вместо этого его голосовые связки издали лишь всхлипывающий визг. Этот звук был высоким и плачущим — криком человеческого младенца. Он мгновенно захлопнул свой рот. Он не знал, должна эта ситуация его ужаснуть... или ужаснуть. В данном случае оставался только ужас. Возмущение и гнев сбежали, поджав хвосты.

Прилив головокружения, и пейзаж вдруг изменился. Стало видно большую, уродливую шляпу, которую Курама мог кое-как опознать даже со зрением, превратившимся в полное дерьмо, и слышно хриплый голос над ним, говорящий:

— Тише, дитя.

Лицо Человека-Обезьяны выглядело как неопознаваемая клякса, но голоса и сигнатуры его чакры было более чем достаточно, чтобы его узнать.

Курама закричал.

Он кричал так же громко, как кричала Кушина, когда пылающая сфера из его чакры грозила захлестнуть её деревню и сына потоками сине-красного огня. В данный момент это было всё, что он мог сделать.

Он был—

Он был—

Забвение потянуло его за загривок своей скрюченной рукой, и Курама не сопротивлялся ему.

***

Его отправили в сиротский приют.

Курама узнал это только многие дни спустя. Тогда он просто проснулся и обнаружил себя в тёмной, прямоугольной комнате. Деревянные балки под низким потолком скрипели, собирая на себе опавшие куски штукатурки и рассыпающейся плитки, и, вдохнув, он почувствовал в воздухе привкус гнили, пыли и недавно постиранных хлопковых простынь, пахших лимонным мылом.

Рядом с ним сонно шевельнулся очаг энергии. Физическое тело Курамы могло быть одеревеневшим и бесполезным, но его чувства определённо такими не были. Он обратился вовне. Маленькие пузырьки человеческих систем чакры мерцали, словно мотыльки, снаружи

здания. Он чувствовал в них следы его недавнего погрома: волнение и панику в колебаниях их чакры, ноющую усталость, которой Курама с глубоким удовлетворением наслаждался, весь скрытый негатив.

Замечательно. Замечательно. Эти глупые, самоуверенные, крошечные людишки. Они посмели заковать его в цепи и теперь заплатили за это своими потом и кровью. Курама позволил себе расслабиться, лёжа на покрывале, чувствуя себя немного более удовлетворённым, чем минуту назад.

Очаг энергии рядом с ним шевельнулся. Курама застыл. Он протянулся своими чувствами для более подробного анализа, нежели предыдущее быстрое сканирование, и новое открытие волной красной пены смыло его хорошее настроение прочь.

Комок энергии принадлежал отпрыску Узумаки Кушины.

Он находился в одном и том же замкнутом пространстве, что и чёртов отпрыск Узумаки Кушины. В маленьком младенческом животе которого, если его память его не подводила, была запечатана его другая половина. Узумаки Наруто, ребёнок, который, сам того не зная, был ключевым элементом того, что Курама оказался в этой... какой бы она ни была, ситуации. Он сам был не очень-то уверен.

Он убьёт этого сопляка.

В ретроперспективе, сказать это было проще чем сделать.

Курама пытался, но все его усилия приводили к нулевому результату. Первый, инстинктивный план действий был вырвать ребёнка горло, но в данный момент лимитом возможных движений Курамы было строить возрастающе разочарованные гримасы и кричать до хрипоты. Курама был рождён полностью функционирующим и разумным, ничуть не похожим на человеческого ребёнка. Прямо сейчас он не мог повернуться набок, не то что заставить свои конечности сделать что-нибудь напоминающее движение.

Позже, осознав, каким же он был идиотом, действительно пытаться проделать это физически, эти проклятые печати совсем сварили его мозги, он закрыл глаза и потянулся. Кураму не волновало, насколько крепким был этот ребёнок, был ли он Узумаки, и была ли в нём запечатана его Янь-Половина. Одного всплеска его чакры будет достаточно, чтобы превратить сопляка вместе со всем зданием в груды пепла.

Ну же.

Он потянулся глубже.

Ну же, давай.

Его чакра была на месте. Курама мог чувствовать, как она пенилась рядом, но, к его мучению, оставалась недостижимой. Это было всё равно, что смотреть через непробиваемое стекло. Она была здесь. Он просто не мог её коснуться.

Он потянулся глубже и отчаянней.

Курама всегда имел доступ к своей чакре. Бога ради, он был существом, состоящим из чакры. Его мысли были отпечатаны в ней. Даже если бы он умер, природа бы вновь собрала разрозненные кусочки во что-то целое. Чакра была его руками, его ушами и его дыханием.

Теперь...

Теперь нет.

Теперь не было ничего подобного. Только его разум, рычащий и корчащийся в ёмкости, слишком маленькой и иной, чтобы быть хотя бы немного комфортной, полностью отрезанный от кипящей горы чакры, из которой состояла его оставшаяся часть. Это был — это был даже не позор! Позором было быть запертым на задворках подсознания какого-нибудь шиноби, игнорируемым и высмеиваемым, но целым.

Это было кошунство.

Теперь сжигание даже не было в списке его желаний. Он, решил Курама, издав высокий, кричащий рык сквозь стиснутые зубы, разнесёт Коноху в пыль.

Отродье Узумаки Кушины, лежащее рядом, издало короткий, раздраженный звук. Курама отметил это сквозь пелену гнева. Можно было вполне начать с него.

Он вырвет все органы мальчишки один за другим. Он откусит сопляку голову и почувствует приятный хруст мягких костей и плоти между его зубов. Он попробует крови — человеческой крови Узумаки — и насладится ей, поскольку этот ребёнок и его род пришли в упадок и опустили Кураму до уровня какого-то грязного животного, и, если они хотели, чтобы он действовал, словно какая-то безмозглая, дикая тварь, что же, почему бы ему не удовлетворить их желание?

Он—

Сон. Туман.

И снова чернота.